

Он беспомощно улыбнулся, отпустил руку, приступив к протиранию надгробия носовым платком, пока не вытер его дочиста, затем снова сказал:

— ХаньХань, ты уже извинился перед дедушкой, верно? Он любил тебя больше всех, поэтому уже должен был простить тебя, верно? Тетя Бай уже почти поправилась, дядя Бай отошел от дел и заботится о ней, так что можешь не беспокоиться. А-Янь очень способный и компания под его руководством стабильна, дяде и тете нечего беспокоиться по этому поводу. Но вот с браком возникают проблемы. Тетя однажды пожаловалась мне, сказав, что он, возможно, асексуален и ни в ком не заинтересован, но мы не можем вмешиваться в личное, поэтому остается только наблюдать за тем, как он сам во всем разберется. Однако я заметил, что в последнее время он и его секретарь Цзян Хуа немного сблизились, и, возможно, вскоре появятся хорошие новости. Что касается СюэЦин... То она так и не смогла оправиться. Она считает произошедшее с тобой своей виной и трудно это пережила. Сейчас она стала довольно раздражительна. Да еще и Шэнь ТяньЯн умер из-за нее тогда, это все гложет ее изнутри. Из-за всего произошедшего она не в состоянии ни с кем сблизится, избегая любого контакта. Но, время лечит, так-что все у нее наладится, не волнуйся.

Он посидел так немного и снова тихо заговорил:

— ХаньХань, я собрал столько твоих вещей, но твое дыхание становится все слабее и слабее, и я больше не могу уловить его, больше не чувствую твоего присутствия, ХаньХань, твоя душа ушла, не так ли?

— ХаньХань, я... Я ведь тебе тоже нравлюсь, не так ли? Когда ты сказал, что я тебе нравлюсь, это не было пьяной шуткой, не было розыгрышем, и не тактикой, чтоб сохранить мое покровительство, которым ты пользовался с малых лет, верно?

— Тогда я уехал за границу и хотел вернуться бесчисленное количество раз. Мне уже было все равно шутка это или нет, лучше быть разбитой яшмой, чем целой черепицей. Я хотел вернуться и остаться рядом с тобой, охранять тебя и лелеять, но этот гнев, эти травмы и эта нелепая гордость остановил меня. Я думал, если я останусь еще не на много, даже если не смогу отпустить тебя в этой жизни, я, по крайней мере, напугаю тебя, прочту... Научу тебя уму-разуму, что я не всегда буду следовать за тобой. Думал, что как третий младший мастер семьи Бай, ты будешь жить своей маленькой беззаботной жизнью, пока я не вернусь, и ты улыбнешься и скажешь мне: "Брат ЦзинЮань, я скучал по тебе". Но ХаньХань, я не ожидал, что всего за два года, в мгновение ока, все изменится. ХаньХань, оказывается, когда-то я был так близок к тебе, но оттолкнул тебя собственными руками. Теперь я никогда больше не буду так близок к тебе...

Он положил одну руку на могильную плиту, другой прикрыл глаза и долго сидел так без движения, слезы постоянно скатывались между его иссохшими пальцами.

Неизвестное количество времени спустя, он вновь заговорил:

— Ненавидишь меня, ХаньХань? Ты ведь ненавидишь меня, да? Вот почему ты ушел так просто,

не испытывая грусти по мне? Вот почему ты отказываешься снова появляться в моих снах здоровым и красивым? Позволяешь видеть себя во сне только так, как я видел тебя в тот день... Твой дух больше не желает оставаться рядом со мной, ХаньХань, ты ушел отсюда в другой мир? Ты ненавидишь меня, и никогда не дашь мне шанса искупить свою вину, никогда не простишь, не так ли? ХаньХань, если бы у меня был шанс вернуться в то время, я бы никогда тебя не покинул, а остался бы рядом. И, что бы ты не творил мне, я бы любил и защищал тебя до самой смерти. Но прошлого не вернуть, как бы этого ни хотелось.

— Пока мама была жива, она однажды сказала мне, что чтобы любить кого-то, нужно хвататься за каждую возможность сблизиться с ним, крепко держаться за него и никогда не отпускать его руку. Я ненавижу себя за то, что не послушал ее. Единственная нерешительность в моей жизни вынудила меня потерять тебя, разрушив все, что у нас было. ХаньХань, я совершил самую большую ошибку в своей жизни, и мне придется всю оставшуюся жизнь расплачиваться за нее, но я не знаю, смогу ли я догнать тебя, когда наступит день моего ухода.

— ХаньХань, я вчера слышал предложение, в котором говорилось, что договорившись прожить сто лет вместе, если один умирает, то он будет ждать на мосту между миром живых и миром мертвых три года.

— Эти слова поистине прекрасны. Услышав это я сразу подумал, будешь ли ты ждать меня? Но я знал, что этого не произойдет, потому что мы никогда не договаривались о подобном. Прошло семь лет, возможно, теперь ты родился в другой семье и начал жизнь заново, и в твоей новой жизни никогда не появится меня, не так ли?

— Как мне снова встретиться с тобой, ХаньХань? Когда ты только ушел, я думал сразу последовать вслед. Мне было интересно, смогу ли я отыскать там, если буду преследовать, что есть силы? Но, на тот момент мне нужно было помочь твоим родным. И, самое главное, я не выяснил причину твоей смерти, и враги, виновные в твоей смерти, не понесли расплаты.

— Тогда у меня было слишком много дел, и, когда я их закончил, то испугался, что, ели даже последую за тобой, то не найду, лишусь даже малейший твой запах. Испугался, что тарелка супа на мосту между миром живых и мертвых заставит меня забыть тебя. Я не могу забыть тебя, ХаньХань, я хочу помнить тебя всегда. Пока ты остаешься в моем сердце и в моей памяти, я не потеряю тебя до конца, правда?

— Но ХаньХань, я больше не могу этого выносить, скажи мне, где мне тебя искать? Позволь мне отыскать тебя, хорошо?

Он сидел перед надгробием, подогнув длинные ноги, уткнувшись в него лбом и плечем, и что-то бормотал, постепенно закрывая усталые глаза и успокаивая дыхание.

Он снова шел по длинному коридору, в отчаянии прислушиваясь к эху собственных шагов, но, когда толкнул дверь, его встретила вспышка ослепительного света. Когда глаза привыкли к

свету, перед ним предстал его собственный кабинет в Компании Му, с той лишь разницей, что черный кожаный диван был заменен на удобный тканевый диван. На этом диване восседал молодой человек с тонкими изящными бровями. Он выглядел гораздо взрослее, чем в его памяти. На молодом человеке была простая белая рубашка и брюки, а еще его щеки раздувались от еды, он ел мандарины.

Глаза Му ЦзинЮаня широко распахнулись, а губы задрожали и слегка приоткрылись. Он сделал шаг вперед и остановился, не смея даже дышать, боясь нарушить иллюзию перед собой, жадно впитывая образ человека перед собой, не желая упустить даже малейшей детали.

— ХаньХань, — тихо пробормотал он, и неуверенно потянулся к нему дрожащими руками.

Бай ИХань поднял голову, и, держа оранжевую дольку в правой руке, поманил его своей все еще совершенной левой рукой.

— Иди сюда, чего ты там топчешься у двери? — улыбнулся он ему.

В этот момент ЦзинЮань разрыдался.

Когда Пань Вэнь и Вэй У, ожидавшие у подножия кладбищенского холма, заметили, что их босс опаздывает и все не спускается, то решили подняться и проверить, что с ним. Там они обнаружили, уже вставшего в кому Му ЦзинЮаня, склонившегося над надгробием Бай ИХаня. Двое были шокированы и срочно доставили его в больницу, но он так и не очнулся. Неделю спустя эксперты с сожалением сообщили, что пациент впал в глубокую кому, утратив способность дышать самостоятельно, рефлексy ствола мозга исчезли, другими словами, мозг умер.

Эта новость шокировала всех власть имущих в городе. И, прежде чем боковые ветви семьи Му успели выступить, Чэнь Хун достал завещание давным-давно составленное Му ЦзинЮанем. Это завещание было первоначально составлено пять лет назад, но оно было пересмотрено снова, когда он женился, и теперь хранилось у Чэнь Хуна. Му ЦзинЮань сказал ему, что это завещание следует обнародовать, если он внезапно умрет или сойдет с ума.

К завещанию прилагалось соглашение о разводе и два письма.

В завещании указывалось:

1. Если он внезапно скончается или потеряет самостоятельность из-за форс-мажорных обстоятельств, все его акции и имущество унаследует Бай Янь.
2. Если он внезапно скончается или потеряет самостоятельность из-за форс-мажорных

обстоятельств, соглашение о разводе с обеими подписями немедленно вступает в силу, и брак с Тао Ци расторгается. В дополнение к выплате ей крупной суммы денег, когда соглашение вступит в силу, в будущем Бай Янь обязан ежемесячно выплачивать ей определенную сумму денег на проживание ей и ее ребенку.

Наконец, после его смерти он надеется, что его похоронят рядом с Бай ИХанем.

Что насчет дух писем, то одно из них было адресовано семье Бай, а другое - Тао Ци. В адресованном семье Бай, ЦзинЮань молил их позволить ему пожениться с ИХанем посмертно. А в адресованном Тао Ци было написано всего несколько слов: "Прости, спасибо тебе."

Более месяца спустя Тао Ци, в одной руке сжимавшая письмо, а другой лежа букет цветов перед недавно установленным надгробием и тихо сказала:

— Не стоит благодарностей, пустяки.

— Иди сюда, чего ты там топчешься у двери? — поманил ЦзинЮаня ИХань рукой, держащей дольку мандарина.

Закрыв одним махом дверь, ЦзинЮань сделал всего пару шагов по направлению к ИХаню, когда по его телу пробежал холодок. Из его сердца уходили чувства непередаваемого отчаяния от потери любимого и безнадежности от неспособности вновь увидеть его, их заменяли радость от встречи и счастье от того, что он вновь нашел его.

ИХань, улыбающийся в ожидании приближения ЦзинЮаня, потерял свою улыбку, когда заметил, что тот вдруг разрыдался. Он так испугался, что отбросил мандаринку, вскочил и подбежал к нему в несколько шагов, схватил его за руку и с тревогой произнес:

— Что с тобой? Что случилось?

— Ничего не случилось, — с трудом выдавил из себя ЦзинЮань, оступило глядя на него.

— Как ты можешь плакать, когда все в порядке? Что случилось? — не унимался тот от тревоги.

— Ничего страшного, просто внезапно в своем сердце я что-то почувствовал, — все еще в оцепенении произнес он.

— Что-то с сердцем? — нервно прикоснулся к его груди ИХань. — Нужно срочно в больницу.

— Не волнуйся, все в порядке, — нежно взял его за руку ЦзинЮань.

— Можешь быть серьезнее, ты ведь разрыдался от боли, и ты называешь это в порядке?

— Не говори глупостей, как я мог рыдать? — рассмеялся ЦзинЮань со слезами на глазах.

— Вот, убедись сам, — схватив его руку, ИХань приложил его к заплаканному лицу.

— Что это? — удивился ЦзинЮань, коснувшись лица кончиками пальцев. — Я не совсем этого не заметил.

— Может, ты плачешь от ветра? Но здесь нет ветра, — подозрительно сказал ИХань.

— Что бы это ни было, это не имеет значения, со мной все в порядке, — отозвался ЦзинЮань.

ИХань несколько раз оглядел его с ног до головы, а ЦзинЮань беспомощно сказал:

— Вот упрямый, — все действительно в порядке, он оглянулся на дверь и сказал, — Кто открыл дверь?

— Разве ты не открыл ее? — странно глядя на него, спросил ИХань.

ЦзинЮань потянул его обратно к дивану и сел, взял апельсин и умело очистил его от кожуры, озадаченно произнес:

— Я не открывал, она открылась, когда подошел сюда.

— Значит прикрыл не плотно. — ИХань с улыбкой поднес ко рту ЦзинЮаня дольку мандарина.
— Встреча длилась так долго, хочешь пить? Съешь мандаринку.

Приоткрыв рот, ЦзинЮань принял дольку, улыбнулся и нежно приложил свою голову к голове ИХаня, тоже протянув ему дольку.

Съев ее в один присест, ИХань счастливо рассмеялся:

— Ммммм, этот мандарин еще слаще, чем тот, что я ел перед этим.

— Естественно, я лично отбирал эти мандарины для тебя, штучка за штучкой. — сказал ЦзинЮань со смехом. — У меня большой опыт в отборе мандаринов.

— Знаю, мандарины, выбранные тобой, самые лучшие, в будущем мне не грозит есть кислые, — тоже посмеялся тот.

ЦзинЮань засунул еще одну дольку в рот и рассмеялся, сказав:

— Именно, буду отбирать тебе лучшие фрукты до конца жизни. Только не ешь их слишком много, а то перестанешь любить фрукты.

— Тогда угости меня еще долькой, это последняя.

ЦзинЮань беспомощно улыбнулся, затем отломил еще одну дольку, протянув ее ему. Наблюдая, как тот щурится уплетая ее с улыбкой, его глаза переполняла нежность, и необъяснимая боль в его сердце медленно рассеивалась.

<http://bllate.org/book/15667/1402150>